

Две дочери короля

(часть 3)

Когда Астрид немного пришла в себя, она откинула полог шатра. Она увидела ладью старого скитальца, уходившую на север. Утлая ладья показалась ей маленькой, не больше ореховой скорлупки. И померещилось ей, что уже окружают ладью Хьялтэ морозные тучи далёкой Исландии. Ветхий парус, похоже, был соткан из иголочек мороза и льда. И скоро ладья Хьялтэ скрылась из виду.

Тогда Астрид глубоко-глубоко вздохнула, и лицо её озарилось улыбкой.

«Ещё целый долгий день плыть до Кунгахеллы... — подумала она. — Ещё целый день я могу быть счастлива, и хотя бы в мечтах воображать себя невестой короля Олава. А в Кунгахелле при всём народе я паду к его ногам и открою позорную тайну, или потом в замке, когда мы останемся наедине, или...»

Астрид тряхнула головой, отгоняя печальные мысли.

В эту ночь королю Олаву приснился загадочный сон. Приснилось ему, что он у себя в опочивальне, и в узкие окна, как золотая пена, льётся солнечный свет. Вдруг влетела в окно острокрылая золотая птица. Она сделала круг над королём и опустилась ему на грудь. В розовом клюве держала птица ослепительно сверкавшее золотое кольцо. Птица вытянула шейку и положила кольцо прямо на губы короля Олава. И, странное дело, рот короля тут же наполнился тяжёлым и кислым вкусом меди. Король снял с губ кольцо, привстал на локте и надел кольцо себе на палец. Но тут он разглядел, что кольцо это вовсе не золотое, а медное, и уже покрылось тёмными пятнами и зеленью. Тем временем птица взмахнула крыльями и пропала неведомо куда...

Король Олав проснулся. Было раннее утро, и бледный луч осеннего солнца с трудом пробивался сквозь узкое решётчатое оконце. Король

посмотрел на свою правую руку. Кольца не было, но еле заметная зелёная полоска осталась у него на пальце.

«Нет, это не простой сон, — подумал король Олав. — Дай Бог, чтоб он стал предвестником радости, а не печали».

Короля охватило неизъяснимое нетерпение, он словно предчувствовал: что-то вот-вот должно случиться. Он приказал слугам подать праздничные одежды. Кликнул верных друзей и вассалов, и они направились на пристань Кунгахеллы.

«Я всего лишь хочу посмотреть, прибыл ли купеческий корабль с новым боевым оружием. Я отвалил купцу столько золота, сколько он запросил. Ещё надо взглянуть, достаточно ли соли и вяленой рыбы в погребах...» — так сказал себе король Олав, но это была лишь отговорка, и он отлично сознавал это. На самом же деле какой-то тайный голос нашёптывал ему, что жизнь его с сего дня переменится, и судьба распахнёт перед ним двери в неведомое будущее.

Когда король спустился на пристань, все, кто были там, приветствовали его, как всегда, с благоговением и радостью.

Но вдруг шёпот пробежал по толпе. Из-за поворота реки появился высокий корабль, весь украшенный резьбой и позолотой. На солнце рдели и пылали паруса из красного шёлка. Среди неповоротливых, грузных купеческих барж и кораблей он казался лёгким и воздушным, как облако.

—Это принцесса! Это шведская принцесса! — раздались ликующие возгласы со всех сторон.

Женщины поспешили подняться на мост, мужчины и мальчишки прыгали в лодки и карабкались на крыши. Всем хотелось посмотреть на прекрасную Ингегерд.

Корабль плавно подошёл к пристани, и все наконец увидели принцессу, стоящую на палубе корабля.

Её золотистые волосы, всё затмевая, блестели на солнце. Глаза могли поспорить с голубизной неба. Она улыбалась с такой лаской и нежностью,

что, казалось, в Кунгахеллу возвратилось лето, во всей своей красоте и великолепии.

Когда король Олав увидел свою невесту, такую гордую и прелестную, его лицо просветлело от радости и в сердце зажглось нежное чувство.

Цветы уже осыпались, и потому молодые девушки принялись срывать ярко-жёлтую листву с деревьев и бросать её на пристань, раскидывать по улице, где должна была пройти принцесса. Они спешили украсить свои дома гроздьями блестящей спелой рябины и тёмно-багряными листьями клёна.

Астрид видела народ, со всех сторон бегущий на пристань, видела короля Олава. Он стоял в тяжёлых шитых золотом одеждах, окружённый вассалами и благородными рыцарями. Его глаза сияли, и он поднял руку, приветствуя её.

И Астрид забыла всё, в чём она должна была повиниться и покаяться королю. Она забыла, что имя её не Ингегерд. Одно желание завладело её душой: стать женой короля Олава.

И вот на третий день, под звон колоколов, была торжественно сыграна свадьба. Все любовались красавицей-невестой, а Астрид втайне радовалась, что знатные гости уже разъехались, все, кто знали в лицо принцессу Ингегерд, и никто не может схватить её за руку и обвинить в том, что она всего лишь самозванка, присвоившая себе чужое имя и счастье.

Сразу же после свадьбы наступили погожие тёплые дни. Мшистые холмики на болотах зазеленели, как бархат. Среди опавшей листвы поднялись тонкие стрелки травы. А в королевском саду распустились последние сорта роз, те, что обычно не успевают расцвести, схваченные морозом.

В один из воскресных дней король Олав и его вассалы собрались в пиршественном зале. По правую руку от короля, на подушках из красного шёлка, сидела его прекрасная супруга. Король любовался её милым лицом и, не отрываясь, глядел в её лучистые глаза, где вспыхивали сине-голубые

искры. А когда Астрид заговорила, король Олав опустил голову, чтобы только наслаждаться звуками её певучего голоса.

Король Олав был искусным резчиком по дереву. И вот, заслушавшись нежных речей королевы, он в задумчивости взял нож и принялся вырезать прямо по краю стола узор из дубовых листьев. Все вассалы и слуги с беспокойством следили за ним. Они понимали, что король Олав забыл, что сегодня воскресенье. В этот святой день считается грехом всякая работа, даже если это была всего-навсего гирлянда из дубовых листьев, вырезанная по дереву. Рыцари растерянно переглядывались, но никто из них не осмелился остановить короля.

Наконец друг короля, Бьёрн с Тюленьего острова, решился заговорить.

—Какой завтра день, Симон? — спросил он как бы между прочим, обращаясь к своему юному оруженосцу.

—Завтра понедельник, — ответил Симон испуганно и громко. Король поднял голову и пристально взглянул на юношу, в смущении теребившего полу кафтана.

—Вот оно что! Так ты говоришь, что завтра понедельник...

И, не прибавив больше ни слова, король собрал в руку все обрезки дерева и подошёл к очагу. Король Олав взял раскалённый уголь и положил его себе на ладонь. Он стоял неподвижно и глядел, как пылают у него на ладони сухие стружки и как почернела обожжённая кожа. Все воины радовались и гордились своим повелителем. Только молодая королева вскочила с места, побледнела и пошатнулась. Она, наверное, упала бы, но её верная служанка Элина успела подхватить свою госпожу.

«Как же строго он будет судить меня, если откроется мой обман, когда он столь беспощаден к себе за такой малый проступок» — с замиранием сердца подумала Астрид.

Случилось так, что Акэ из Гендарикэ смертельно заболел, проезжая на своей ладье мимо Кунгахеллы. С минуты на минуту ждали его кончины,

потому что он весь покрылся гнойными язвами, не принимал ни воды, ни пищи, и лицо его стало серым, как глина.

—Акэ, ты слышишь меня? — окликнул Людольф, его друг, наклоняясь над ним. — Очнись! Мы в Кунгахелле, во владениях короля Олава. Господь даровал ему чудесную силу за его святую жизнь. Умоли короля прийти и возложить на тебя руки. Он исцелит тебя, не сомневайся. Это наша последняя надежда.

—Как я могу просить у него помощи? — не открывая глаз, еле слышно простонал Акэ. — Горе мне! Я убил его названного брата Реора Белого. Король Олав придёт сюда только для того, чтобы вонзить в меня меч...

Не в силах найти себе места от горя и тоски, Людольф сошёл с корабля и без цели побрёл вдоль берега.

По дороге он встретил молодую королеву. Она ходила в лес за орехами и сейчас шла ему навстречу, беспечно смеясь и болтая со своими служанками.

Людольф почтительно приветствовал королеву, и не мог скрыть от неё своей печали.

Астрид вернулась в замок и тот же час направилась в покои короля Олава.

—Радуйся, мой супруг, — сказала она. — Акэ из Гендарикэ, твой заклятый враг, убийца твоего брата, лежит при смерти на своём судне в гавани Кунгахеллы!

Король Олав посмотрел на Астрид, ничего не сказал и быстрыми шагами направился к набережной.

Королева, увидев, как поспешно он удалился, не захватив с собой ни кинжала, ни меча, позвала самых близких вассалов, взяла его оружие и заторопилась вслед за ним.

Она так спешила, что вовсе не чувствовала тяжести боевого меча с тяжёлой рукоятью в виде креста.

Никем не замеченная, она поднялась на корабль и по узкой лесенке сошла вниз, где на ложе из шкур лежал умирающий Акэ.

Она остановилась, держа в обеих руках меч, готовая подать его королю в любую минуту, и вдруг замерла, словно окаменев.

Акэ лежал, откинувшись навзничь, и больше походил на мертвеца, чем на живого.

Король Олав наклонился над ним и положил руку на лоб умирающего. Он тихо молился, и лицо его в этот миг излучало надежду и благодать.

—Господи! Исцели этого несчастного, возврати ему жизнь и силы!

Королева увидела, что предсмертная бледность, покрывавшая лицо Акэ, исчезает, гнойные язвы на груди затягиваются и больше не кровоточат. Дыхание его стало легче и ровней.

—Благодарю тебя, король Олав, — со вздохом, который, казалось, шёл из самой глубины его души, прошептал Акэ. — Ты вернул мне жизнь, чтоб я успел покаяться и искупить свой грех...

Астрид молча и бесшумно покинула корабль. Она медленно пошла обратно к королевскому дворцу. И каким же непосильно тяжёлым казался ей теперь меч! Она с трудом тащила его, всё больше сгибаясь под его тяжестью. Сначала кончик меча чертил полоску по песку дороги, а потом королева и вовсе, не удержав меч, выронила его из рук.

Слуги, сопровождавшие её, подхватили прославленный меч. А королева с трудом поднялась по мраморным ступеням дворца, опираясь на руку верной Элины, и дыхание вырывалось у неё из груди, словно последний хрип умирающего.

Прошло ещё несколько дней, и наступил праздник Всех Святых. Король Олав, по своему обыкновению, отправился в храм Божьей Матери.

Астрид, стоя на балконе, смотрела ему вслед. Золотой обруч поддерживал волосы короля, длинная мантия из красного бархата мягкими складками падала до земли.

«Он похож на святых, что украшают алтарь в нашем храме!..» — похолодев от внезапного испуга, подумала Астрид.

Внизу, в глубокой тени ворот, незаметно притаился человек в низко опущенном на лицо капюшоне. Закутанный в длинный плащ, он сам походил на блёклую серую тень.

Едва король Олав поравнялся с ним, незнакомец одним движением выхватил меч и бросился на короля.

Но ясный спокойный взор короля словно остановил в воздухе руку убийцы. Незнакомец выронил меч и, как дерево, подрубленное под корень, рухнул на землю.

Король Олав смотрел на него всё тем же ясным взором, и незнакомец, закрыв лицо руками, скорчился у его ног.

—О король Олав, король Олав, — простонал он. — Твои враги подослали меня. Немало золота посулили они мне за твою жизнь. Но едва ты взглянул на меня, и, видишь, меч выпал из моих рук...

Астрид на балконе опустилась на колени там, где стояла, не в силах сделать и шагу.

—Боже, Боже! — прошептала она. — Будь милостив ко мне, грешнице. Обманом и хитростью стала я женой этого святого человека...

—Госпожа моя, ты совсем больна, — с заботой сказала Элина, наклоняясь над королевой. — Ты бледна, как цветы жасмина. Идём, я уложу тебя в постель и расплету твои тяжёлые косы, чтоб ты немного отдохнула.

Но Астрид посмотрела на неё, как будто не слышала её слов.

—А я получила весточку из дома. Ведь у меня остался жених в Упсале. — Элина с мечтательной улыбкой посмотрела в окно. — Ой, да ведь ты не знаешь, госпожа! Господи, какая же я, право, забывчивая. Король Шоскёниг сыскал для принцессы Ингегерд жениха. Да ещё такого славного и пригожего! Красавчик, глаз не отвести. Он король Датской земли. У него так много кораблей, что и не сосчитать!

—Так сестра моя вышла замуж! — со счастьем в голосе воскликнула Астрид. словно солнечный луч проник в её грудь и отогрел сердце. — Ты не могла принести мне весть радостнее этой, Элина!

—Ах нет, моя королева, — смутилась Элина. — Я ещё не всё рассказала. Принцесса Ингегерд ответила жениху отказом. Она стала монахиней и удалилась в горный монастырь. Далеко-далеко от Упсалы этот монастырь. Зимой туда и вовсе не доберёшься. А король Шоскёниг с горя совсем спятил. Он то бросается на ложе и рыдает, то без меры пьёт вино кубок за кубком. И тогда он крушит мечом всё вокруг. «Я погубил жизнь одной дочери и душу другой!» — вопит он, и десять дюжих воинов с трудом удерживают его... Что ты так смотришь на меня, госпожа? Прости меня, глупую дуру, я только огорчила тебя! — И Элина залилась горячими слезами. — Но монахиня Ингегерд всегда улыбается, — добавила Элина сквозь слезы.

—Улыбается? — повторила Астрид, и странная улыбка тронула её губы. — Так ты говоришь, монахиня Ингегерд улыбается?

—Да, да! Она молится в храме, а потом целый день ухаживает за больными и не чурается никакой работы. И всегда чудесная улыбка цветёт у неё на устах. Об этом идёт молва по всей Швеции...

—Тогда ей лучше, чем мне, — спокойно сказала Астрид. Лицо её словно окаменело. — Теперь ступай, оставь меня.

Обманутая её спокойствием, Элина, сокрушённо вздыхая, ушла. Оглянувшись, она увидела, что юная королева стоит, стиснув на груди руки и опустив голову.

Ночь в праздник Всех Святых выдалась тихой и ясной. Полная луна осветила зубцы Северной башни, и они заискрились, как серебро.

Король обошёл сад, заглянул в конюшню, потрепал по холке любимого коня, и тот, дыша теплом, заржал негромко и сонно. Собаки, знавшие шаги короля, не залаяли, они неподвижно лежали, положив морды на передние лапы, и глаза их сверкали в лунном свете.

Вдруг король заметил тонкую и стройную женщину, закутанную с тёмный длинный плащ. Она быстро пересекла дорожку, залитую лунным блеском, и исчезла в глубокой тени ворот.

«Кто это? — подумал король Олав. — Опасно молодой женщине, такой слабой и беззащитной, одной ходить по ночному городу, полному пьяных моряков и случайного сброда».

Тем временем женщина торопливо пересекла рыночную площадь и свернула в узкую улочку, круто спускавшуюся вниз к пристани. Мелькнула из-под плаща маленькая ножка, обутая в башмачок с золотой пряжкой.

«Это знатная женщина, — подумал король. — Что она здесь делает?»

Король Олав бесшумно следовал за ней. Женщина спустилась на пристань и подошла так близко к краю деревянного настила, что король, содрогнувшись, понял: несчастная хочет броситься в воду.

Женщина подняла руки, словно прощаясь со всем, что ей дорого. Страдальческий стон сорвался с её губ, и вдруг, не выдержав, она всхлипнула, как малое дитя. Она наклонялась всё ниже, ниже... Ещё мгновение, и она бросилась бы в тёмные набегающие волны. Но король одним гибким прыжком бросился на неё. Он успел обхватить её руками и удержать.

—Безумная! — воскликнул он. — Что ты надумала! Нет греха страшнее этого. Ты решилась пойти против святой Божьей воли и загубить свою душу!

Когда женщина услышала его голос, она быстро закрыла лицо руками. Но король по шелесту её шелковых одежд, по блеску колец на тонких пальцах узнал её. Да, это была его жена, королева Кунгахеллы.

Астрид повернула к нему бледное, прозрачное в лунном свете лицо. Она постаралась улыбнуться, и голос её звучал почти весело.

—Супруг мой, ты так напугал меня, бедняжку, что я и впрямь, чего доброго, могла упасть в реку. Или ты, может быть, подумал, что я хочу утопиться?

Король ответил:

—Я сам не знаю, что должен думать, жена моя. Господь да вразумит меня!

Астрид рассмеялась, но голос её звучал как струна, которая вот-вот оборвётся.

—Разве тот, кто счастлив, как я, захочет убить себя? Разве в раю лишают себя жизни?

Астрид обняла короля и с нежностью провела ладонью по его щеке. Преклонение перед королём и робость обычно заставляли Астрид скрывать всю силу своей любви. Но сейчас она страстно поцеловала его.

—Король Олав, я хочу, чтоб ты знал, как безмерна и крепка моя любовь! Я больше не хочу быть королевой. Я хочу скрыться с тобой от всего мира в глухой лесной чаще. Там я стану твоей служанкой, буду готовить тебе пищу, перестилать твоё ложе. И от счастья петь весь день, как птица небесная. А когда ты будешь возвращаться с охоты, я выбегу тебе навстречу и вот так встану перед тобой на колени, — сказав это, Астрид тихо опустилась на колени перед королём. Глядя на него снизу вверх, она продолжала звенящим трепещущим голосом. — А ты, мой супруг, спешишься, подойдёшь ко мне, коснёшься моей груди концом меча и скажешь: «Да, твоя жизнь принадлежит мне!»

Говоря это, Астрид, как бы шутя, вытащила меч короля из ножен и направила кончик меча прямо себе в сердце.

—Твоя жизнь принадлежит Богу, — сказал король. Астрид тихо рассмеялась.

—Нет, моя жизнь принадлежит тебе, — повторила она с неизъяснимой нежностью.

В этот момент король почувствовал, что она старается вонзить остриё меча себе в сердце. Он успел отдернуть меч, прежде чем Астрид нанесла себе смертельную рану. В первый раз в жизни он испугался так, что задрожал с головы до ног. Он понял, королева хотела умереть от его руки.

«Она согрешила, — в ужасе подумал он, — нет сомнения, у неё на душе тяжкий грех, и потому нет предела её отчаянию».

Король наклонился к ней.

—Ингегерд, скажи мне, что тебя так терзает, в чём ты виновна? Вместо ответа Астрид, рыдая, сняла с себя сверкающие кольца и драгоценности и, не поднимая головы, подала их королю.

«Боже, неужели это та самая гордая и светлая душой Ингегерд? — в сомнении и отчаянии подумал король. — Неужели это она так униженно и безутешно рыдает у моих ног?»

—Кто ты, скажи мне? — спросил король. Но поскольку Астрид молчала, он встряхнул её за плечи: — Говори! Я вижу, ты не Ингегерд, но кто же ты?

Астрид сбросила плащ и распустила свои прекрасные длинные волосы. Она перевила прядями волос свои руки и подняла их вверх. Король понял, она хотела сказать — да, она из тех, кто носит оковы, она рабыня.

—А-а! — дико вскричал король, и отсыревшее эхо под мостом глухо подхватило его голос. — Я знаю, кто ты! У шведского короля есть ещё одна дочь — Астрид! Значит, король Шоскёниг не счёл меня достойным дочери королевы, а прислал мне дочь рабыни!

—Я не могу больше жить, молю, убей меня, — простонала Астрид, отворачивая лицо.

Всё тёмное и грешное поднялось в душе короля. Он задыхался. Гнев, оскорблённая гордость помutilи его разум.

«Да, я убью эту грешную женщину, она достойна смерти, — поддавшись искушению, с ненавистью подумал король. — Если бы какой-нибудь шут нацепил мне на голову дурацкий колпак с бубенцами, разве я стерпел бы это? Нет, я пошлю окровавленное тело Астрид на её корабле королю Шоскёнигу. Пусть он и все мои враги узнают, какова цена поруганной чести короля — потомка великого Гаральда!»

Обезумев от отчаяния и ярости, король стиснул рукоять меча, готовясь нанести смертельный удар. Это был старинный меч, издревле

принадлежавший его роду. Вокруг золотой рукояти были высечены святые слова: «Блаженны кроткие духом, блаженны милосердные».

Король Олав занёс меч для рокового удара, но внезапно почувствовал: золотые буквы, словно живые язычки пламени, нестерпимо жгут ему руку. И эта боль отозвалась в его душе.

Астрид стояла перед ним на коленях, склонившись обречённо и покорно, как раненый зверь, ждущий последнего удара.

Король заговорил так, как если бы Астрид уже умерла и не могла слышать его слов:

—Мне сказали, что есть на свете королевская дочь, и её благородное сердце дарует мир и покой всем, кто к ней приближается. Я так жаждал и желал Ингегерд, как ещё ни один мужчина не желал ни одной женщины. Я хотел ухватиться за неё, как душа усопшего держится за ангела, несущего её к небесному престолу!

Глубокое отчаяние совсем лишило короля сил. Он глубоко вонзил остриё меча в доски деревянного настила и ухватился за рукоять, чтоб удержаться на ногах.

—Я полюбила тебя с того дня, как впервые услышала твоё имя, — прошептала Астрид.

—Господи! — с тоской продолжал король. Казалось, он не слышал её слов. — Куда я ни гляну, всюду вижу предательство, зависть и злобу. Куда ни ступлю, всюду вижу людей, вводящих меня в соблазн и сомнение. О, если бы рядом со мной была Ингегерд — королевская дочь! Её глаза, зоркие, проникающие в людские души, отыскали бы для меня единственно верный путь в моих земных скитаниях. Но вместо Ингегерд в моё сердце обманом проникла лживая и корыстная, холодная как лёд змея!

При этих словах Астрид вздрогнула и ничком упала на грубые доски настила.

—Так говорил мне старый Хьялтэ! — прошептала Астрид. — Все сбылось! О король Олав, я просыпаюсь глубокой ночью и плачу до утра. Но

так, чтоб ни одна слезинка не упала на тебя. Потому что мои слезы прожигают полотняные простыни, как расплавленное железо. И я жажду только одного — смерти!

Король Олав увидел плащ Астрид. Он соскользнул с причала и покачивался на волнах. Шитый золотом бархат потемнел, отяжелел от воды и медленно погружался в ночные волны реки.

«Вот так уходило бы сейчас под воду тело Астрид...» — содрогнувшись, подумал король.

Он взглянул на Астрид. Она лежала сжавшись, закрыв лицо. По обнажённым хрупким плечам рассыпались пряди длинных волос. В лунном свете её волосы мерцали, как тонкое серебро.

«Несчастливая! Неужели она так невыносимо страдает, что стала седой за один только час? — подумал король, и в сердце его проснулись сострадание и жалость. — Это моя вина! Как я осмелился стоять перед Спасителем, словно нищий, с протянутой рукой, и требовать помощи? Разве к этому призывает он своих верных слуг? Нет, он учит раздавать богатство, которым он нас одарил, слабым и заблудшим. О милосердие и сострадание, два светильника души, я чуть не погасил ваши огоньки! Боже, прости меня!

Король Олав взглянул на небо и замер. Он увидел, что все звёзды изменили свои вечные пути и стройными кругами, сверкая, тихо опускаются к нему.

В этот миг Астрид воскликнула:

— Король Олав, лик твой сияет!

— Астрид, Астрид! — Голос короля дрожал и прерывался. — Тот сон, тот вещий сон! О ангел Господний, теперь мне открылся тайный смысл твоих слов! Боже, дай мне сил стать достойным и совершить то, к чему ты меня призвал!

Когда Астрид увидела звёздный венец, сияющий вокруг головы короля, она вся поникла, словно раздавленная его величием. Последняя надежда покинула её.

Со дна реки всплыли русалки. Под водой можно было разглядеть их прекрасные зеленоватые лица. В длинных струистых волосах серебрилась мелкая рыбёшка. Русалки манили Астрид к себе, протягивали ей ожерелья из речного жемчуга.

Боясь взглянуть на короля, Астрид медленно поднялась и, шатаясь, пошла по узким мосткам.

Король Олав словно пробудился от глубокого сна. В страхе за Астрид он громко крикнул:

—Куда ты уходишь? Зачем? Зачем?

—Разве я не должна уйти теперь, когда ты стал святым? Я, такая грешная... — безнадежно прошептала она.

Русалки протянули из воды влажные руки, обвитые травами. Одна из них ухватила Астрид за подол шёлкового платья. Русалки лукаво пересмеивались. Они знали, что Астрид хотела утопиться, и уже считали её своей верной добычей. Русалка в венке из речных кувшинок развернула плащ Астрид, готовясь принять её в свои объятия.

Астрид стояла на мостках испуганная, дрожащая. Казалось, её удерживают лишь лунные лучи. Они протянулись с высоты и запутались в её волосах. Король Олав бросился к Астрид и с такой силой прижал к своей груди, что она застонала.

—Нет, ты не должна уходить! — горячо воскликнул он. — Это я в своей гордыне чуть было не погубил тебя. Бедное Божье дитя! Исстрадавшаяся душа, ты согрешила и раскаялась. Я был слишком малoverен и слаб. Теперь Господь даровал мне иные силы, и я могу поддержать тебя и направить. Да что я говорю! Сердце моё так полно любви, что я даже не знаю, согрешила ли ты!

Солнце встало над Кунгахеллой и осветило восточные башни замка. Исчезли под водой русалки, их длинные косы превратились в речные травы и водоросли.

Астрид была так бледна, словно она побывала в руках смерти и вновь вернулась на землю. Погас румянец на её щеках, но глаза сияли иным глубоким светом.

Астрид без сил склонила голову на грудь короля Олава, а он с нежностью обнял её за плечи. И так в дымке уползающего в низины тумана они пошли вверх по мраморной лестнице к высоким дверям королевского замка.